

К вопросу об эволюции теории деятельности*

Дэвид Бэхёрст

доктор философских наук, профессор философии, Королевский университет, Кингстон, Канада

Нередко теорию деятельности считают самым важным наследием советской философии и психологии. Но что такое теория деятельности? В настоящее время общепринятым на Западе является понимание теории деятельности, представленное Ирве Энгестрёмом: он прослеживает три стадии становления теории — от первоначальных идей Л.С. Выготского, через формулирование А.Н. Леонтьевым фундаментальной структуры деятельности, к только появляющемуся «третьему поколению» теории, которое пытается инкорпорировать различия, дискурсы и диалоги в общую схему. Работы И. Энгестрёма оказались чрезвычайно влиятельными (в особенности хорошо известные треугольники, используемые им для создания наглядной модели деятельности и «систем деятельности»). Своей жизнеспособностью современная теория деятельности во многом обязана именно ему. Важно, однако, понять связь между современными взглядами на теорию деятельности и исходными положениями деятельностного подхода, выдвинутыми его русскими основателями. На Западе теория деятельности воспринимается не столько как теория, сколько как метод общественно-научного исследования сущности систем деятельности. Русские ученые, в противоположность этому, считают понятие деятельности фундаментальной категорией, объясняющей глубинные философские вопросы самой возможности взаимосвязи психики и мира. Например, для такого мыслителя, как Эвальд Ильенков, понятие деятельности является не эвристическим приемом объяснения эмпирических данных, а трансцендентальной предпосылкой самой связи субъекта и объекта. Подозреваю, что Э.В. Ильенков испугался бы, узнав, сколь всего разного принимают за теорию деятельности сегодня. Для него значимость деятельности заключается в постоянном переходе, преобразовании и трансцендентности субъекта и мира в их взаимосвязи, а это — процесс, который противостоит «овеществлению», представлению в виде схемы. В данной статье я рассматриваю расхождения между разными версиями «деятельностного подхода» и пытаюсь предположить, каково будущее этого направления.

Ключевые слова: теория деятельности, современная психология, Э. Ильенков, А.Н. Леонтьев, И. Энгестрём.

Задача статьи заключается в том, чтобы оценить современное состояние теории деятельности и перспективы ее развития. Но что на самом деле представляет собой теория деятельности? Как мы знаем, корни теории деятельности уходят глубоко в советский марксизм. В то же время, если вы прочитаете два наиболее интересных сборника статей по деятельности [7, 8], вы увидите, что однозначного ответа на вопрос о сущности и значении понятия деятельности нет. Нет ничего удивительного, что в результате подобных дискуссий делается вывод о кризисе «деятельностного подхода» [6]. На самом деле относительно устойчивый взгляд на значение теории деятельности сформировался именно за пределами России, в значительной мере благодаря работам Ирве Энгестрёма**. С его идеями большинство участников конгресса наверняка были знакомы.

Энгестрём различает три этапа (и поколения) в становлении теории деятельности.

Первый этап начинается в конце 1920-х гг., когда Л.С. Выготский вводит свое понятие опосредствования (рис. 1), во многом явившееся ответом на несовершенство бихевиоризма (модели S—R).

Второй этап становления теории начинается с того момента, когда А.Н. Леонтьев провел ключевое разграничение между «действием» и «деятельностью». Действие осуществляется одним человеком или группой людей с тем, чтобы достичь некоторой «цели». Деятельность же организуется обществом (через разделение труда и различные способы производства) и имеет «объект». И действие, и деятельность противопоставляются «операциям», т. е. привычным поведенческим реакциям, вызываемым определенными условиями. Эти положения И. Энгестрём представляет в виде следующей схемы (рис. 2). И. Энгестрём говорит

* Статья представлена в виде доклада на международном конгрессе по теории деятельности и культурно-исторической психологии «Представления в изменяющихся обществах: обучение, взаимодействие и мышление в межкультурной деятельности» (Севилья, Испания, 20.09.2005—24.09.2005).

Пер. с англ. Е.М. Виноградовой, научная редакция Б.Г. Мещерякова.

** <http://www.edu.helsinki.fi/activity/pages/chatanddwr/chat/>.

о «системе деятельности» (“activity system”) и утверждает (ссылаясь на Э.В. Ильенкова), что динамичность системы возникает в результате «противоречий» между ее элементами.

И наконец, И. Энгстрём описывает третий этап становления теории деятельности, который происходит на наших глазах (рис. 3). Для этого этапа характерно изучение взаимосвязи между системами деятельности и рассмотрение таких вопросов, как мысленные образы (representation), его внутренние убеждения (voice), идентичность и индивидуальные различия, т. е. тех вопросов, которые прежде никогда не оказывались в центре внимания ученых, работающих в рамках данного подхода.

Теперь мы можем ответить на вопрос о том, что есть теория деятельности: это результат процесса перехода от схемы на рис. 1 к схеме на рис. 3.

Важно осознавать и ограничения того понимания развития теории деятельности, которое представил И. Энгстрём.

Во-первых, здесь значительно сглажен тот факт, что исходное понятие деятельности было, по существу, проблематичным и открытым для различных интерпретаций. Это понятие укреплялось и занимало всё более видное положение в работах учеников Л.С. Выготского по мере того, как они отстаивали его научные традиции и боролись с теми, кто усматривал в особом внимании к культуре и знаковому

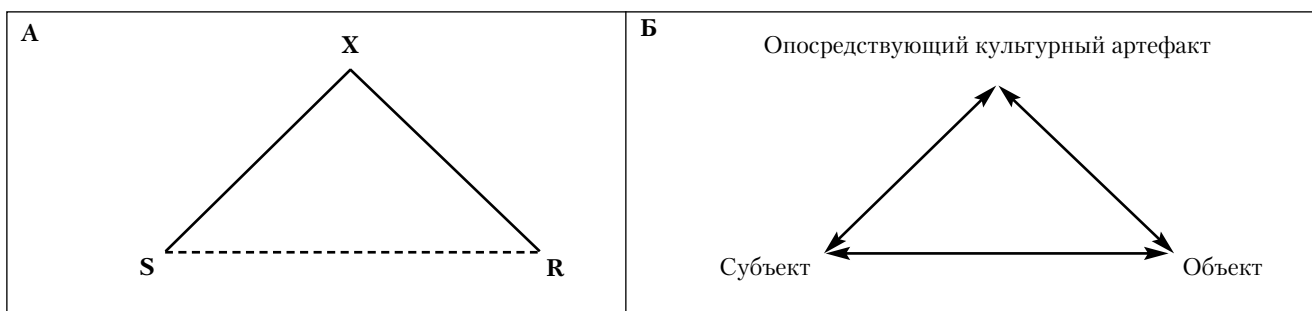

Рис. 1. Модель опосредованного действия, представленная Л.С. Выготским (А), и одна из ее современных типичных версий (В)

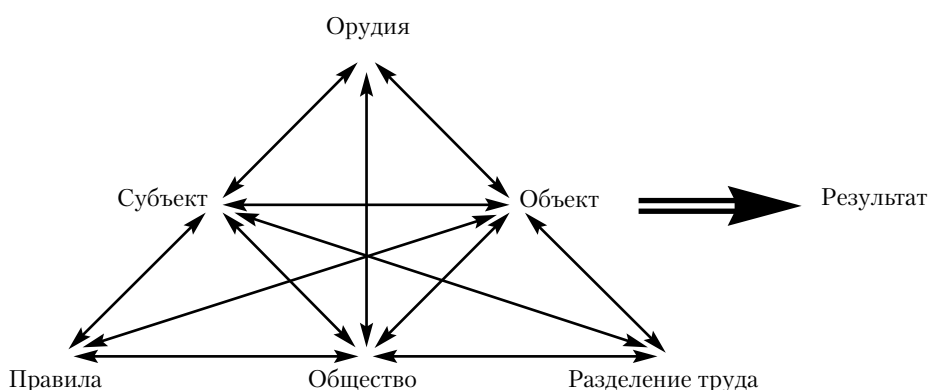

Рис. 2. Структура системы деятельности человека

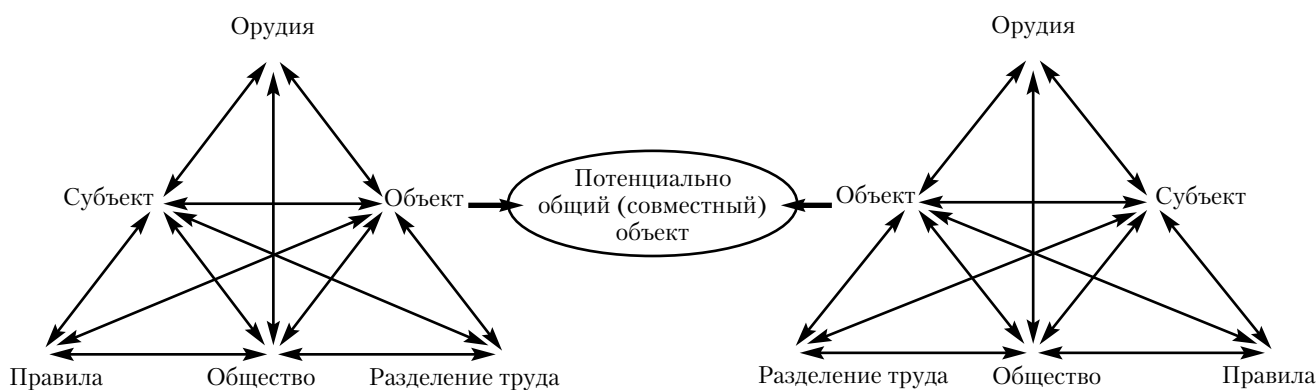

Рис. 3. Взаимодействие двух систем деятельности – модель «третьего поколения» теории деятельности

опосредствованию приверженность идеализму (обвинение, имевшее политическую подоплеку). Для спасения парадигмы (и самих себя) последователи Л.С. Выготского подвели под свою психологию новое основание — понятие *предметной деятельности*. Термин «предметный» был чрезвычайно уместен, поскольку обнаруживал двусмысленность, подразумеваемая, с одной стороны, материальное взаимодействие с предметами, а с другой — взаимодействие «окультуренного» субъекта с концептуализированным предметом, помещенным в социально-исторический контекст (знаковое опосредствование, таким образом, выставили за дверь и впустили обратно через окно). Однако понятие деятельности могло выполнять эту роль только постольку, поскольку его смысл был существенно неоднозначным.

Во-вторых, результатом работы И. Энгестрёма является представление теории деятельности в виде модели систем деятельности. Российских же основоположников деятельностного подхода, по-видимому, интересовала не столько теория деятельности как таковой, сколько привлечение понятия деятельности для объяснения чего-то еще — в широком смысле нашего места в мире, природы сознания или личности.

Главной их идеей было то, что деятельность — это фундаментальное объяснительное понятие в философии и психологии, поскольку оно является центральным понятием в любой жизнеспособной философской антропологии. И источником вдохновения для них, несомненно, были идеи Маркса, изложенные в «Тезисах о Фейербахе» (1845) и «Экономическо-философских рукописях» (1844). Утверждение, что человеческие существа деятельны, не стоит воспринимать просто как эмпирическое наблюдение. Ни один философ никогда не отрицал, что люди действуют. Скорее, значимость этого утверждения кроется в его трансцендентальном значении, т. е. в том, что оно относится к сущности и возможности мышления и его отношения к миру. Наибольший вклад в разработку этой идеи внес Эвальд Ильенков [см.: 1, 3].

В противоположность картезианской и эмпиристской концепциям Э.В. Ильенков считает, что деятельность является предпосылкой самой возможности разума (*mind*). Посредством активного взаимодействия с реальностью мы преобразуем природу, наделяя ее *смыслом*. Мир, с которым мы сталкиваемся в восприятии, перестает быть жестокой внешней реальностью и становится пространством значений и ценностей. Мы видим результат и смысл собственной деятельности, что, в свою очередь, создает новые потребности и стремления, порождает дальнейшую активность, еще более изменяющую мир, который затем сталкивает нас с новыми потребностями и перспективами. Иными словами, деятельность объективируется в окружающем мире, а мир побуждает к деятельности. Наше отношение к миру с самого начала является нормативным или рациональным, т. е. мир представляет собой пространство оснований (*reasons*) для убеждений и действий, и быть способным к мышлению означает быть способным ориентироваться (*to navigate*) в этом

пространстве. Эта способность, в свою очередь, не является врожденной, но развивается и поддерживается посредством образования (*Bildung*), т. е. окультуривания. По мере того как мы присваиваем подлинно человеческие формы деятельности, в которых проявляется разумность, мы становимся существами, способными руководствоваться разумом — людьми в полном смысле этого слова. Люди, таким образом, являются подлинно социальными существами, поскольку их статус разумных существ, личностей обязан присвоению культуры.

Таким образом, мы приходим к выводу, что научная традиция теории деятельности складывается из двух направлений. Для приверженцев первого направления деятельность является фундаментальной объяснительной категорией, заключающей в себе ключ к пониманию природы и возможности психики. Наиболее ярким представителем этого направления является, вероятно, Э.В. Ильенков, однако оно нашло свое воплощение не только в философских позициях. Эта система взглядов создавалась с тем, чтобы лечь в основу жизнеспособной, практически осуществимой психологии, — той, которую стремился разработать А.Н. Леонтьев [2]. Но затем из работ Леонтьева развивается второе направление, суть которого заключается главным образом в попытке разработать метод моделирования систем деятельности и намерении сделать более простым не только понимание, но и практику. В этом смысле теория деятельности представляет собой способ моделирования изменений организации (*organizational change*).

Я не единственный, кто решился провести подобное различие между двумя направлениями в теории деятельности. Виктор Каптелинин также пишет об этих различиях в своей последней статье [5]. Однако когда я говорю об этом разграничении, люди склонны воспринимать мои слова так, как если бы я утверждал, что первое, философское, направление является настоящей теорией деятельности, а второе куда менее интересно. А так как в рамках первого направления рассматриваются, скорее, абстрактные философские вопросы, то я становлюсь мишенью для обвинений в бесплодном умствования. Это, однако, не вполне справедливо. Мне кажется, мы не должны упускать из виду первоначальный смысл теории деятельности, и в том, чтобы этого не произошло, заключается моя главная задача. Я против такого понимания, что первое направление перешло во второе, и против того, чтобы первое воспринималось людьми исключительно как предтеча второго. Этот момент представляется мне чрезвычайно важным, поскольку, на мой взгляд, существует огромная разница в *стиле* мышления между теми, кто использует теорию деятельности для понимания изменений организации, и такими мыслителями, как Э.В. Ильенков (и не только потому, что он был бы разочарован значительным сокращением марксистского обрамления теории деятельности, которое было для него так важно).

Позвольте мне объяснить. Я думаю, что Э.В. Ильенков не одобрил бы того увлечения схематизацией

деятельности, которая столь явно просматривается в вездесущих треугольниках, характерных для второго подхода. Он, вероятно, одобрил бы их за эвристичность, но предостерег бы от их абсолютизации — т. е. от того, чтобы эти модели обрели самостоятельную теоретическую ценность. Нет ничего неправильного в том, чтобы использовать нечто вроде этих схем для лучшего понимания тех взаимосвязей, которые вы пытаетесь изучать. Но вы с самого начала должны осознавать ограниченность модели как таковой. Необходимо искать «противоречия» не только в рамках того содержания, которое раскрывает перед вами модель, но и между самой моделью и этим содержанием. В конце концов, модель — это всего лишь еще одно орудие или инструмент. И это относится к любой модели человеческой деятельности, которая может возникнуть в рамках деятельностного подхода. Как говорит И. Энгстрём, чтобы понять любое сложное взаимодействие, необходимо рассматривать его по крайней мере с двух точек зрения — теоретика, исследующего взаимодействие извне, и участника взаимодействия (разумеется, у участников могут быть разные точки зрения на проблему). Необходимо пытаться проникнуть в систему, чтобы увидеть, как вещи выглядят с точки зрения разных действующих субъектов (agents), и понять те силы, которые влияют на их восприятие и действия. Для достижения этой цели следует привлечь любые орудия, адекватные задаче, однако нужно также уметь абстрагироваться от собственных изысканий и оценивать их критически. Выход на самокритическую дистанцию и есть само сердце человеческой деятельности, основа нашей разумности (рациональности). И это особенно важно понимать в случае, когда предметом изучения становится деятельность. Мораль заключается в том, что мы должны соблюдать крайнюю осторожность по отношению к таким стабильным структурным репрезентациям там, где на самом деле присутствует динамизм, постоянное движение, рефлексивность и преобразование.

Если мы допустим, что существуют два основных направления внутри деятельностного подхода, то вполне естественно представить их взаимоотношение следующим образом: первое направление образует собой теоретическую базу, с опорой на которую в рамках второго направления решаются различные проблемы концептуального характера. Тем не менее следует быть более осторожными по отношению к такой трактовке. Вспомним недавний спор о сущности объекта деятельности [4, 5]. Предпосылкой этой дискуссии послужила недостаточная теоретическая обоснованность позиции объекта в треугольнике. Это является следствием того, что треугольник репрезентирует динамическую систему, ибо мы знаем, что со временем объект деятельности видоизменяется.

Если мы обратимся к основателям теории деятельности, поможет ли это нам в разрешении проблемы? На мой взгляд, это только усложнит ситуацию вследствие известных трудностей с разграничением объекта и предмета. В русском языке, как и в

немецком, существует два слова для обозначения объекта: собственно «объект» — термин, обычно противопоставляемый термину «субъект» и имеющий коннотацию «быть чем-то внешним, предельно объективным», и «предмет» — термин с коннотацией, подразумевающей «мысленно представленный объект» — объект исследования, находящийся в пространстве намерения и цели. Что же из этого мы должны иметь в виду, когда речь заходит о моделировании систем деятельности?

Не думаю, что мы далеко продвинемся в разрешении данной проблемы, если станем обращаться к философским основам теории. По правде говоря, как раз противоположное действие мне кажется правильным. Мы имеем дело с ситуацией, в которой поверхностные рассуждения приведут к большему результату. Дело в том, что в английском языке термин «объект деятельности» является весьма неопределенным и может иметь по крайней мере два значения. В первом, наиболее распространенном случае он означает замысел или цель деятельности. Например, конечная цель (object) того, что мы делаем в данный момент, заключается в том, чтобы достичь более ясного понимания настоящего положения и будущих перспектив теории деятельности. В этом смысле обозначение конечной цели деятельности (object of activity) является одним из вариантов ответа на вопрос: «Чем вы сейчас заняты?» Во втором случае значение термина не столь очевидно: в этом смысле объект деятельности — это то, по отношению к чему совершается деятельность субъекта. Нам станет понятней второе значение термина, если мы представим себе процесс придания формы какому-либо материалу: к примеру, объект деятельности плотника или столяра — это *кусок древесины*. В этом же смысле объект нашей деятельности в данный момент — *теория деятельности*. В тех случаях, когда объект является умственным, мы можем говорить о «предмете» нашей дискуссии (subject of our discussion). «Предмет» в этом смысле используется подобно слову «subject» в английском языке, хотя мы должны отдавать себе отчет в том, что те два смысла термина «объект деятельности» в английском языке, которые я упомянул, не соответствуют разграничению «объекта» и «предмета» в русском.

Моя точка зрения заключается в том, что как только мы осознаем эту существующую в английском двусмысленность относительно слова «объект», всё встанет на свои места. Мы можем охарактеризовать объект чей-то деятельности в первом смысле: посредством указания на то, чего человек хочет добиться в итоге. Задаваться таким вопросом всегда полезно. В то же время иногда бывает полезно узнать, в чем заключается объект деятельности, имея в виду второй его смысл, т. е. над чем конкретно человек работает, по отношению к чему осуществляется его деятельность. Но зачастую ответа на вопрос об объекте деятельности просто нет. И вовсе *не потому*, что объект деятельности трудноуловим, как заключают некоторые теоретики, а потому, что для многих видов деятельности этот

вопрос не вполне применим. Если кто-нибудь спросит: «Каков был объект Октябрьской революции?», мы можем ответить на этот вопрос, только если перефразируем его следующим образом: «Какие результаты преследовались в этой революции?», «Чего ожидали те, кто ее делал?» Но если мы попробуем перефразировать его, исходя из второго значения слова «объект» (т. е. к чему применяется деятельность), то у нас ничего не выйдет: к массам? к всемирной истории? экономике? Здесь не может быть ответа, и, по моему, стремление его непременно найти как раз и представляет собой бесплодные умствования.

Поэтому, как мне кажется, недавний спор об объекте деятельности с точки зрения второго направле-

ния теории деятельности выглядит как серьезная теоретическая проблема, в то время как на самом деле ею не является, а поиск решения псевдопроблемы через обращение к первому, исходному направлению только усугубляет положение вещей. Я говорю обо всем этом, чтобы показать, насколько важно не относиться к двум направлениям теории деятельности предвзято, свысока. Мне хочется особо акцентировать необходимость полноценного, открывающего возможности для самокритичного диалога между представителями разных взглядов в рамках научной традиции деятельностного подхода, поскольку именно в таком диалоге в действительности заключено будущее теории деятельности.

Литература

1. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
3. Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy. Cambridge, 1991.
4. Foot K.A. Pursuing an Evolving Object. МСА. 2002. Vol. 9. № 2.

5. Kaptelinin V. The Object of Activity: Making Sense of the Sense-Maker. МСА. 2005. Vol. 12. № 1.
6. Lektorsky V.A. (ed). Activity: The Theory, Methodology and Problems. Orlando; FL; Helsinki; Moscow, 1990.
7. Russian Studies in Philosophy. The Concept of Activity: A Revaluation, Summer 1997.
8. Russian Studies in Philosophy. The Potential of Activity Theory, Fall 2001.

On the Evolution of Activity Theory

D. Bakhurst

D.Phil, Professor of Philosophy, Queen's University, Canada

It is sometimes suggested that activity theory represents the most important legacy of Soviet philosophy and psychology. But what exactly is activity theory? At present, the canonical version in the West is that offered by Yrjö Engeström, who traces three stages in the theory's development: from Vygotsky's initial insights, through Leontiev's expression of the fundamental structure of activity, to the still-emerging "third generation" of the theory that strives to incorporate difference, discourse, and dialogue into the basic framework. Engeström's work has been enormously influential - especially his familiar use of triangles to model activity and "activity systems" - and the vitality of contemporary activity theory owes much to his contribution. It is important, however, to reflect upon the relation of contemporary views of activity theory to the ideas of the Russian founders of the activity approach. In the West, activity theory has become less as a theory as such, and more a method for social-scientific research into the nature of activity systems. For the Russians, in contrast, the concept of activity represented a fundamental category for the explanation of profound philosophical questions about the very possibility of the relation of mind and world. For a thinker like Evald Ilyenkov, for example, the concept of activity is not a heuristical device for explaining empirical data, but a transcendental precondition of the very relation of subject and object. Ilyenkov would, I believe, be dismayed by much that passes for activity theory today. For him, the significance of activity resides in constant transition, transformation, and transcendence of subject and world in their mutual engagement, and this is a process that resists reification into schema. In this paper, I explore the disparities between different versions of "the activity approach" and consider whether the future of this tradition might lie.

Key words: activity theory, contemporary psychology, E.V. Ilyenkov, A.N. Leontiev, Y. Engeström.

References

1. *Ilyenkov E.V.* Dialektika ideal'nogo // Ilyenkov E.V. *Iskusstvo i kommunisticheskii ideal*. M., 1984.
2. *Leont'ev A.N.* *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. M., 1975.
3. *Bakhurst D.* *Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy*. Cambridge, 1991.
4. *Foot K.A.* Pursuing an Evolving Object. MCA. 2002. Vol. 9. № 2.
5. *Kaptelinin V.* The Object of Activity: Making Sense of the Sense-Maker. MCA. 2005. Vol. 12. № 1.
6. *Lektorsky V.A.* (ed). *Activity: The Theory, Methodology and Problems*. Orlando; FL; Helsinki; Moscow, 1990.
7. *Russian Studies in Philosophy*. The Concept of Activity: A Reevaluation, Summer 1997.
8. *Russian Studies in Philosophy*. The Potential of Activity Theory, Fall 2001.